

— Что строите-то?
— Неужели не надоело спрашивать! Ведь какой год вам одно и то же отвечаем: те-лят-ник!

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 19 10 ИЮЛЯ (1453) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

Поступающие на места путёвки в Артек зачастую распределяются только среди детей руководящих работников.

— Мою путёвку в Артек ты, папа, вполне заслужил!

ДОРОГОЙ АВТОРИТЕТ

— Граждане! — прохрипел председатель собрания.— Ввиду позднего времени предлагаю провернуть товарища Варламова без обсуждений. Уполномоченный райкома товарищ Ростопша достаточно решительно остановился на нём. Итак, кто за то, чтобы Варламова Виктора Александровича избрать председателем колхоза «Завет Ильича», подымите руки...

Наступило молчание. Председательствующий бодро обвёл взглядом ряды колхозников, но ни одна рука не поднялась.

— Дай-ка мне слово,— шепнул. товарищ из района, сидевший за столом президиума.

— Слово имеет секретарь райкома по зоне Щигровской МТС товарищ Харин.

— Граждане, чем объяснить вашу неактивность? — строго начал новый оратор.— Уже ноль часов семь минут по московскому времени. Или, может быть, вы недостаточно хорошо знаете товарища Варламова?

— В том-то и дело, что знаем! — послышалось из рядов.

— А раз знаете — тем более. Товарищ Варламов уже который месяц заведует райветбаклабораторией. Никаких взысканий на этой должности не имел. Что он вам сделал, не понимаю!

— В том-то и дело, что ничего не сделал! — опять послышалось из рядов.

— А мы считаем, что товарищ Варламов сделал. И немало сделал! Он первым в нашем районе подал заявление с просьбой направить его на руководящую работу в колхоз.

— Лучше бы он поставил на ноги вверенную ему лабораторию!..

— Это не по существу вопроса...

— Объявил бы войну бактериям в районном масштабе!

— Довёл бы заболеваемость скота и птицы до минимума!..

— Ваши предложения правильные. Мы их запишем новому заведующему райветбаклабораторией. А товарища Варламова давайте изберём председателем колхоза. Он проявил инициативу, надо поддержать наш районный кадр. Кто «за»?

Оратор сделал вдохновляющий жест, но ни одна рука не поднялась. В президиуме зашушукались. Председательствующий объявил, что ввиду позднего времени собрание переносится на завтра.

Колхозники стали расходиться. Но у выхода некоторых из них останавливали и отводили в сторону... Здесь, в стороне, объяснения происходили на условном языке пантомимы, который понятен только избранным. Многие так бы ничего и не поняли, если бы на следующий день в правлении колхоза их не встретил новый председатель, Виктор Александрович Варламов.

Его «провернули» накануне при посредстве небольшой группы людей после того, как собрание было закрыто.

...Недавно мы побывали в колхозе «Завет Ильича». Подъезжая к дому правления, мы услышали грозный голосище, распекавший кого-то с применением слов, не подлежащих печати:

— Вон с моих глаз, бездельник! По какому такому праву разговариваешь с начальством сидя! Встать! Трам-та-ра-рам!..

Мы представили себе, как страшно должен был провиниться человек, чтобы вызвать такой гнев начальства.

— Да ничего особенного не случилось! — успокоили нас колхозники.— Это наш председатель товарищ Варламов беседует с заведующим свинофермой Бирюковым.

— Беседует? А как же трам-та-ра-рам?

— Обыкновенное явление. Без этого у Виктора Александровича ни одна беседа не обходится. Единственное средство поддержания авторитета.

Мы поинтересовались сутью спора. Свинарки давно требовали, чтобы откормочную группу свиней регулярно взвешивали и колхозницам начисляли трудодни за прирост. Законное требование свинарок поддержал тов. Бирюков, а тов. Варламов авторитетно разъяснил ему свои возражения.

Спустя некоторое время мы услышали тот же начальственный голос в поле:

— Вон с моих глаз! Не суйте носа не в своё дело!..

— Опять Бирюков на глаза попался? — догадались мы.

— Нет, теперь товарищ Варламов проводит беседу с агрономами Григорьевой и Смахтиной. Промежду ними всегда споры. Зима была нынче злая, озимые вышли изреженными, агрономы предлагали немедленно подсевать, а председатель в ответ — трам-та-ра-рам... Так и остались чернеть гектаров пятьдесят озимой пшеницы. Теперь агрономы просят машины под удобрения для свёклы, а председатель... сами слышите! Ох, не видать колхозу свёклы!..

Ещё некоторое время спустя Варламов выступил в том же репертуаре в бухгалтерии:

— Вон с моих глаз, крысы конторские! Бездельники...

— Из-за комплексной бригады спор,— пояснили колхозники.— Председатель недавно провёл у нас реформу. Создал комплексную бригаду с «управленческим аппаратом», состоящим из бригадира, помощника бригадира, учётчика, двух заведующих фермами, при них ещё двух учётчиков, кладовщика... Когда в бухгалтерии подсчитали, во что выразятся накладные расходы, за головы схватились. Вот теперь товарищ Варламов разъясняет бухгалтерам свою точку зрения на этот вопрос...

Нам пришлось зажать уши и выйти на свежий воздух. Когда гром в бухгалтерии утих, мы возвратились туда, чтобы лично познакомиться с председателем колхоза. Но его уже не было. В окно мы увидели лишь «Москвичок», энергично прыгающий по ухабам дороги.

— Товарищ Варламов отбыл на рынок, выполнять план мясопоставок,— разъяснили нам.

— На рынок?

— Да. Это его новаторский метод. Началось с молокопоставок. Коровы у нас доились плохо. А план выполнять надо. Председатель не растерялся. Отправился на свиноферму, поймал там несколько поросят пожирнее, свёз их на рынок в Щигры, продал, а вырученные деньги повернул на молокопоставки. Теперь обнаружилась задолженность по поставкам свинины. Вот Виктор Александрович опять отправился на рынок. Подыщет там покупателей на бурёнок, продаст их, купит свиней и выполнит мясопоставки. И так до следующего раза...

— Но ведь это — очковтирательство!

— Оно самое! Каким методом его избирали, таким он и действует.

— И вы всё это спокойно наблюдаете? И не выступите на общем собрании?

— Это на каком-таком общем собрании? Виктор Александрович не так прост! После истории с его выборами он никаких собраний в колхозе не допускает...

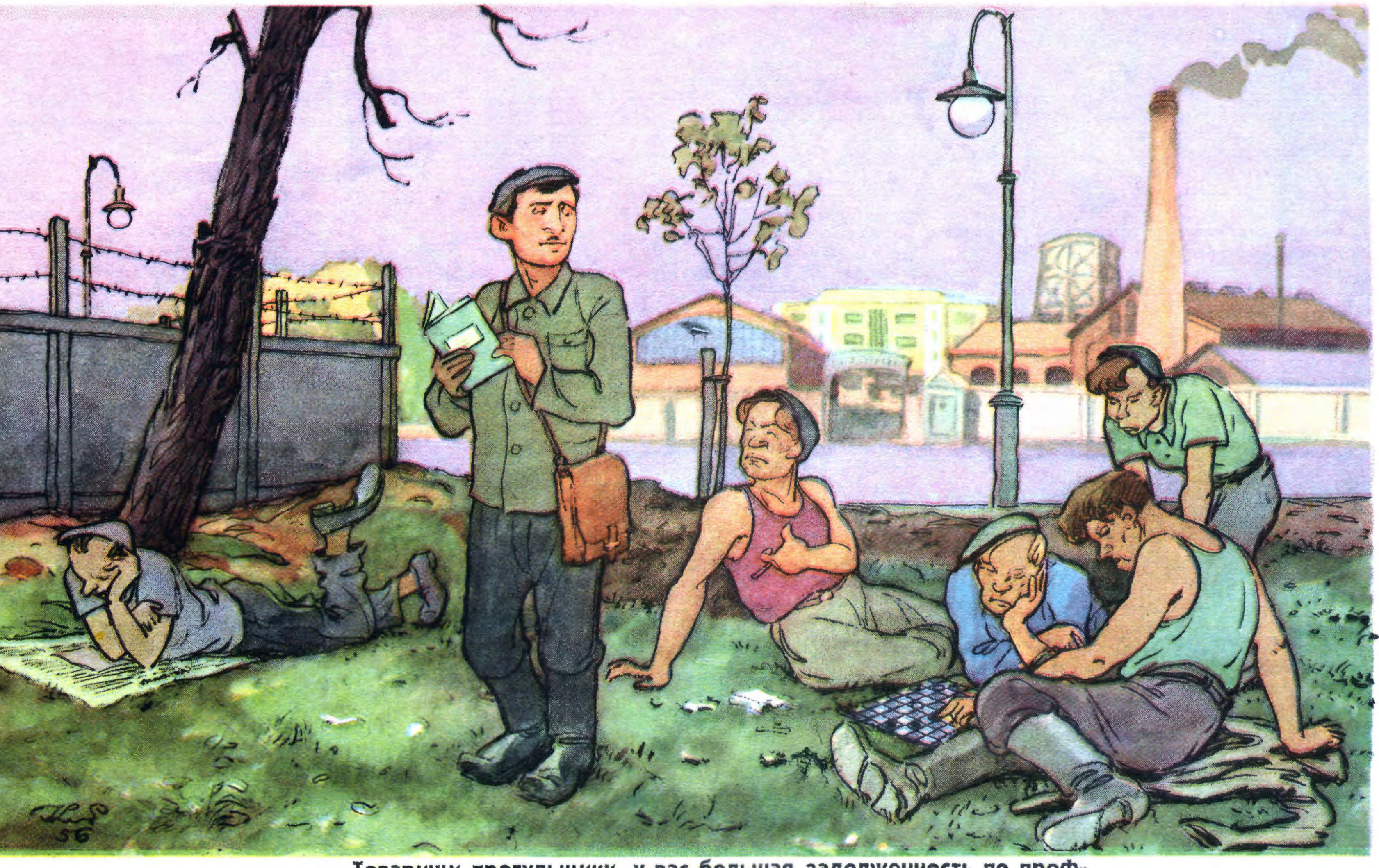
Да, недёшево порой обходится колхозникам авторитетный председатель...

А. АНДРЕЕВ, Н. ДАВЫДОВ

Курская область.

РАБОТА ПРОВОДИТСЯ...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Товарищи прогульщики, у вас большая задолженность по профсоюзным взносам...

Юрий БЛАГОВ

Барыня

Председатель, активисты,—
Словом, весь колхозный цвет
На приёме у девицы
Двадцати с походом лет:
— Грех сидеть тебе на месте,
Петь «страдания» в страду.
Шла бы ты со всеми вместе
На работу...
— Не пойду!
— Устаёшь ты, видно, очень,
Поспала и спишь опять...
После школы, между прочим,
Сколько лет прошло!
— Ну, пять!
— Дел у нас для комсомолки,
Прямо скажем, вороха —
На уборке, на прополке,
Даже в яслях...
— Ха-ха-ха!
— Ох, и время бестолково
Ты проводишь, прямо грусть...
Может, принца ждешь какого!
Так напрасно...
— Ну, и пусть!
— Коль покажешь удаль свету,
Обещаем твой портрет
Дать в районную газету...
Ну, согласна, что ли!
— Нет!
— Как ты жить-то мыслишь дале!
Ведь тебя в деревне звать
Белоручкой люди стали.
Что ответишь!
— Наплевать!
...Старый дед ни слова в споре
Не сказал за целый день,
Лишь с надеждою во взоре
Покосился на ремень...
Но поскольку не годится
Эта вещь в серьёзный спор,
То строптивая девица
Не сдаётся до сих пор...

Неодолимая паутина

Это случилось, как и всегда, после 12 часов ночи. Все жильцы квартиры уже спали или собирались спать. Казалось, покой и тишина вот-вот окутают все восемь комнат, кухню, ванную и коридор. Да не тут-то было!

Раздался оглушительный грохот. О стену коридора с дребезжащим звоном ударилось что-то тяжёлое. По квартире понёсся поток бранных слов. В одной комнате вскрикнули, в другой испуганно закричал ребёнок.

Пожилой седой человек, в чью голову и было нацелено как будто бы не приспособленное к бою корыто, прижался к кухонной двери. Он знал: от этой соседки можно ждать всего. Ударит, ошпарит, обидит похабным словом — и всё так, ни за что, ни про что!

Грубая брань неслась из ванной комнаты. А вслед за тем в коридор выбежала женщина в мокром сарафане, растрёпанная, с перекошенным лицом.

— Побойтесь бога,— пролепетала, глядя на неё семидесятилетняя старушка.— У нас девочка спит. Чего доброго напугаете до смерти!

— Молчи! — подскочила обидчица к старухе и замахнулась на неё.— Я и до тебя доберусь!

И по адресу старой женщины посыпались такие слова, что четвёртая жительница квартиры не выдержала.

— Гражданка,— сказала она,— я, как ответственная по квартире...

— Это ты-то ответственная?! Да мне наплевать на тебя! Никого не боюсь я! Вот вам всем! — И, сложив пальцы в определённую комбинацию, скандалистка поднесла их к глазам отпрянувшей соседки.

Не в силах сдержать негодования, вышел из своей комнаты ещё один мужчина.

— Хватит, гражданка! — решительно сказал он.— Завтра же иду к прокурору!

— Уж не к Липатникову ли? — засмеялась разыгравшаяся дебоширка.— То-то он вам поверил! Вы ему бумажку, он её в милицию, а милиция — обратно вам. Только и всего! Вот я подам — тогда увидите! Моё дело верное!

Тут она бросилась к двери на чёрную лестницу, распахнула её, выскочила на площадку и что есть мочи завыла:

— О-о-ой! Помоги-и-и-те! О-о-о-й, бьют! Засту-упите-е-есь! Спаси-и-и-ите-е!

— Ну, вот! Снова всё то же! — с отчаянием зашептала старушка.— Ничего с ней не сделаешь! Теперь опять по всем инстанциям затаскает...

Сколь ни удивительно, но всё это самая настоящая быль. Подобные скандалы происходят чуть не каждый день в самом центре Москвы, в квартире № 3 дома № 29 по Гоголевскому бульвару.

Такие же сцены с участием той же «героини» разыгрывались и в прошлом году, и десять, и двадцать лет назад. Только и разницы, что в 1930 году местом действия был дом № 3 по Всеволожскому переулку и плакали тогда от издевательств Иоффе граждане Копейкины, Квирилиане, Краско, Добрынины. Затем — с 1940 по 1952 год — граждане Маловы, Витель, Цвик и Шевелевы. А теперь плачут Аношкины, Зобнины, Кулямзины, Кошкина, Андросовы, Соловей, Матулайтисы...

Мы пишем об этой скандалистке не впервые. После опубликования в 1952 году фельетона «Паутина» Народный суд 2-го участка Фрунзенского района выселил Иоффе из дома № 3 по Всеволожскому переулку за хулиганство и привлёк её к уголовной ответственности.

И вот Иоффе вновь, как ни в чём не бывало, имеет и хорошую комнату, и поле брани, и безоружного противника.

Когда выселенная по решению суда Иоффе появилась там, где ныне дебоширит, она взывала к жалости, уверяла, будто с ней поступили несправедливо. Доверчивая и малодушная Берта Давыдовна Марголис приютила её. Соседи и управляющий домом не возражали. Милиция прописала.

Но не прошло полугода совместной жизни с Иоффе, как Берту Давыдовну увезли в психиатрическую больницу.

Тут Иоффе быстренько и ловко оформила свое опекунство над больной, а заодно над её комнатой и над всем её имуществом.

А когда не стало больше ни Марголис, ни надобности в притворстве, Иоффе отшвырнула надоевшую ей маску, распоясалась и предстала перед людьми, живущими с ней рядом, как наглая хулиганка и человеконенавистница. И снова, как в дни своей жизни во Всеволожском переулке, стала она ходить по коридору без всякой одежды, выталкивать соседей из кухни и ванной, обливать их водой, портить им пищу, совать в лицо кулаки, пинать ногами. Она не стеснялась оскорблять соседей самым неподобающим образом, высмеивать их горе, болезни и физические недостатки, таскать по судам.

И снова, как было все годы, в каждой комнате квартиры, где живёт Иоффе, растут груды судебных повесток, актов, заявлений. Множатся вздохи, проливаются слёзы. Растёт возмущение нерадивыми стражами закона!

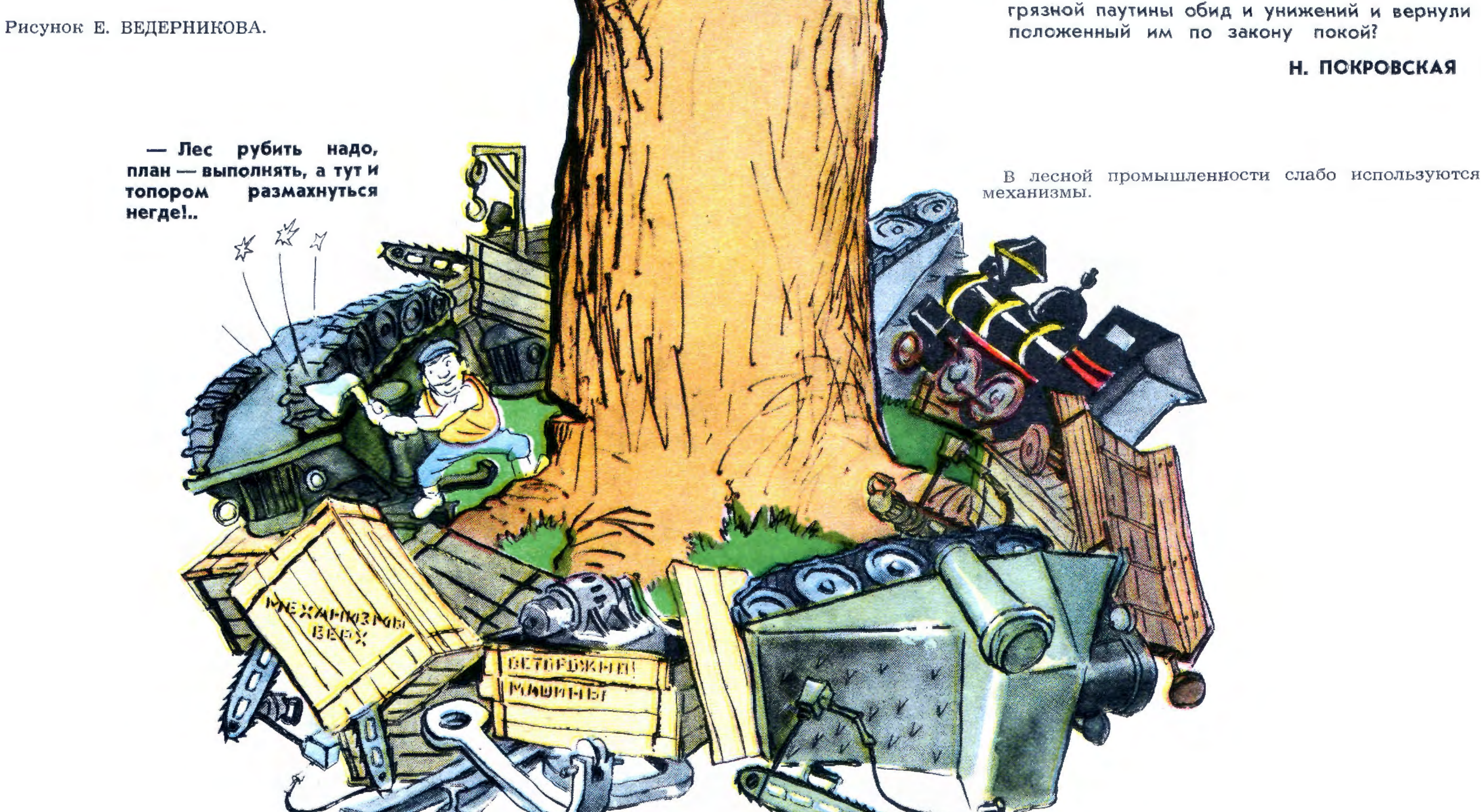
Да и как не расти возмущению?

После выселения за многолетнее нестерпимое издевательство над людьми из дома во Фрунзенском районе Иоффе тут же прописывают на постоянное жительство в многонаселённой квартире соседнего, Киевского района. Человека, подлежащего уголовному суду за хулиганство и выпущенного из предварительного заключения лишь по амнистии, признают опекуном над беспомощной и беззащитной больной. Прокурор Киевского района тов. Липатников не находит нужным вникнуть в дело и переправляет все заявления о безобразиях Иоффе органам милиции. Народный судья тов. Гущина прекращает дело производством, а начальник районного отделения милиции тов. Большаков сообщает, что следствие по делу он вести не будет, так как Иоффе ещё никого не изувечила.

Так прославившаяся в двух районах столицы скандалистка и теперь всё ещё безнаказанно бушует на квартирном фронте.

Неужели потребуется ещё два десятилетия, чтобы работники милиции, прокуратуры и суда начисто и уже навсегда освободили людей от грязной паутины обид и унижений и вернули положенный им по закону покой?

Н. ПОКРОВСКАЯ

— **Лес рубить надо, план — выполнять, а тут и топором размахнуться негде!..**

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

В лесной промышленности слабо используются механизмы.

Табор «диких» на Черноморском побережье.

Рисунок К. РОТОВА.

Варвара КАРБОВСКАЯ

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

— Для хорошего отдыха самое главное — хорошее настроение.— Эту фразу санаторный врач повторяет каждому вновь прибывшему. Повторяет триста, четыреста, пятьсот раз. Но каждый воспринимает это по-своему.

Вот приехали в санаторий муж и жена. Первым явился к врачу муж.

— Для хорошего отдыха самое главное...

— Согласен с вами, доктор! Вот именно, хорошее настроение! — горячо, даже страстно восклицает муж.— А как быть, когда хорошее настроение одного портит настроение другому?

Врачу торопиться некуда, он может выслушивать каждого. Пожалуйста.

— Она сейчас сама к вам придёт. Доктор, повлияйте! Почему все люди, как люди, а я должен, как собака...

— В каком смысле?

— В прямом. В самом что ни на есть собачьем! «Сиди и стереги вещи!» Она, видите ли, идёт в вагон-ресторан, а я сижу и стерегу. Кстати, о вещах. Мы привезли три чемодана, две картонки, коробку и саквояж. Платья, халаты, сарафаны, капроновые купальники, нейлоновые блузки, через которые всё просвечивает, как на рентгеновском снимке... Зачем, спрашивается? Лучше отдыхается, когда каждый день в новом халате? Ничего подобного! Нет, вы не подумайте, я сам за то, чтобы женщины хорошо одевались, но ведь нельзя же это доводить до культа, до психоза! У себя, в Замоскворечье, она Марья Ивановна, а на курорте — маркиза Помпадур, Сильва из варьете!

Он дрыгает ногой в сандалии и рыдающим голосом поет:

— «Ча-сти-ца чёрта в нас заключена подчас!..»

— Выпейте воды,— предлагает врач.

— Э, я пробовал и воду и не воду...

— Вы расскажите о себе, на что жалуетесь?

— Так я ж вам и рассказываю: на жену! Девять месяцев в году всё идёт более или менее нормально. Но за два месяца до курорта я уже питаюсь как попало. Ей некогда: она то у портнихи, то у парикмахера, то у косметички, нервничает, изводится, экономит на хозяйстве. Это для того, чтобы на курорте быть шикарней всех, красивей всех, моложе всех!

— Сколько ей лет?

— Это неважно. Сорок пять...

...В кабинет к санаторному врачу входит ещё один вновь прибывший. Это известный профессор-невропатолог. Он плотно прикрывает дверь, прикладывает палец к губам, говорит шёпотом:

— Умоляю, коллега, чтоб ни одна душа не знала...

— Понимаю. Замучают?

— Вот именно. Милейший народ кругом, но ведь, вы сами знаете, даже очень занятые люди любят поговорить о своих расстроенных нервах. А тут праздные. Представляете себе! Один заведёт о нервах, другой о нервах, а ведь они у меня тоже не железные. Я приехал отдыхать. Знаете, что я в санаторном листке написал?

У пожилого профессора лицо становится мальчишески озорным.

— Написал: «Парикмахер из Москвы».

Санаторный врач хватается за голову.

— Замучают! В прошлом году из Москвы фельетонист приезжал, говорил: «Боюсь, с утра до вечера будут предлагать: «Вот вам темка для фельетона!» Или станут рассказывать о квартирных склоках, или об изменяющих мужьях или жёнах». Назвался как раз парикмахером. Отбою не было! Уж он отнекивался, что щипцы с собой не взял, так прибегали со своими щипцами. «Голубчик, пару локончиков!» Или: «Сейчас модна короткая стрижка?» Он говорит: «Угу, так называемая тифозная причёска...» «Ах, голубчик, сделайте мне тифозную!..»

— А кем же надо было назваться? — упавшим голосом спрашивает профессор.

— Ну, хоть кассиром. Должность для курортников неинтересная, беспокоить бы не стали.

— Век живи, всего не предугадаешь! — вздыхает профессор.

Но вот в санаторий приезжает знаменитость, женщина с серьгами в виде немного уменьшенных конских подков. Не то чтобы она сама была знаменита, но она родная сестра...

— Чья, чья родная сестра?..

Одни называют одно имя, другие — другое. Но оба имени так повсеместно известны, и люди, носящие их, так всеми уважаемы, что их родной сестре (того или другого — всё равно) из уважения к ним оказывается исключительное внимание.

Надо отдать справедливость, она держит себя с достоинством, знаки внимания принимает как должное, о своём брате лишнее не болтает. Но из каких-то подпочвенных источников становится известно, что её родной брат души в ней не чает. Тогда внимание удваивается. Кто-то уже влюблён без памяти. Если бы она была просто отдыхающая, в неё вряд ли кто-нибудь влюбился. Ещё сказали бы: «Белесая толстуха». А теперь про неё говорят: «Полная блондинка» и «В ней есть какой-то шарм!» (А «шарм» по-русски значит «очарование», как известно.) Весь месяц она проводит в самом изысканном обществе. Профессор-невропатолог скромно держится в стороне, по санаторной книге он значится парикмахером и не набивается на знакомство с сестрой знаменитого брата. Когда она уезжает, ей преподносят цветы. Она садится в машину, изящно делает ручкой на прощание.

А в это время из подъехавшей к санаторию машины вылезают новые курортники, и среди них, как потом выяснилось, некто Сусликов, снабженец. Заметив отъезжающую, он срывает с себя соломенную шляпу и бодро кричит:

— Манюня? Здравствуй и прощай!

Фамильярность Сусликова с сестрой знаменитого брата могла бы тоже вознести его в некотором роде на пьедестал. Но он сам выбил этот пьедестал у себя из-под ног.

— Вы её знаете?

— Ту, что сейчас выкатилась? Манюню? Ещё бы! Работает у нас в артели машинисткой. Кто её брат? А она уже успела вам рассказать свою жизнь? Это верно, брат у неё подлец. Пьяница, работать не хочет, с неё деньги тянет. А ведь был приличным шофёром; почему с панталыку сбился, непонятно.

Три дня подряд только и разговоров было, что о самозванке Манюне. Кто пустил слух? У некоторых даже поднялось давление.

— Не надо волноваться,— уговаривал санаторный врач.— Для хорошего отдыха самое главное — хорошее настроение. Одиннадцать месяцев в году эта женщина живёт скучно, печатает артельные ведомости, мается со своим запойным братом. А двенадцатый месяц на курорте отдыхает душой и телом, воображает себя счастливой и любимой.

— Да, но ведь она выдавала себя, знаете, за кого? А за распространение ложных слухов...

— А кто пустил слухи? Вы же сами.

Действительно, кто? Может быть, первый и единственный, кому она рассказала свою сказку, именно в тот день покидал санаторий, но не удержался и сейчас же передал остающимся?

Кто-то говорит сердито:

— Целый месяц носились с ней, как с писаной торбой! Это что же получается, форменный маскарад?

Профессор-невропатолог опять отходит в сторонку. Он-то про себя знает, что он тоже под маской. Он уже отвадил пять — шесть дам, сказав, что причёсывать не может: у него суставной ревматизм, того и гляди, уронит горячие щипцы прямо на ухо. Дамы отстали, и он наслаждался отдыхом. Но теперь ему мешает наслаждаться другое: ему кажется, что если не все кругом, то многие тоже маскируются.

Юноша рассказывает совсем не вызывающе, а скромно и просто:

— Когда мы были в Кортина д'Ампеццо...

«Не был ты в Кортина,— думает профессор.— Нос не дорос. А всё врёшь, чтоб понравиться девушке с зелёными глазами. Знаешь, что теперь все влюбляются в спортсменов».

Жгучий брюнет сказал:

— У нас в академии...

«Чёрта с два у вас в академии! — мысленно передразнивает профессор.— Скажи лучше, у нас в магазине «Арарат». Я же помню, именно у него я покупал бутылку «Воскеваз».

Миловидный толстяк в чесучовом пиджаке грустно жалуется женщинам на своё одиночество.

«Курортная маска, москвич в гарольдовом плаще! — раздражается профессор.— Пушкинские времена миновали, а мечтательные Татьяны не перевелись. Оно, может быть, и хорошо и прекрасно, но зачем же верить первому встречному? Ведь, небось, у него дома семеро по лавкам, и он не только муж и папа, но недавно стал дедом».

Профессору становится трудно. Не верить людям, подозревать их во лжи, даже в самой невинной,— это тяжело. Он рассказывает об этом санаторному врачу. Тот, добрый человек, успокаивает своего коллегу:

— Жгучий брюнет, поверьте мне, не торгует вином, он член-корреспондент. Юноша — действительно мастер спорта. Что касается толстяка в чесуче, то у него нет семерых по лавкам. Его сынишка в пионерлагере, жена уехала с театром на гастроли, и он честно считает себя временно позабытым, позаброшенным. Легче вам теперь?

Да! Спасибо коллеге: профессору стало совсем легко на душе. Пусть кто хочет маскируется на курорте: Марья Ивановна из Замоскворечья — Сильвой из варьете, Манюня из артели — сестрой знаменитого брата. Зато все остальные: и академик, и юноша, и девушка с зелёными глазами, и бодрый Сусликов, и все, все — милые люди без всяких масок. Маски им ни к чему; им и так хорошо.

Да... а он сам? И профессору сейчас же захотелось разоблачиться. Но потом он подумал: стоит ли? До конца отпуска осталось три дня, маска у него совершенно невинная, а кому-нибудь покажется обидным такое профессорское озорство.

Нет, не надо. Ведь самое главное для хорошего отдыха — это хорошее настроение.

МОЛНИИ БЕЗ ГРОМА

Ещё в дверях посетитель, комкая в руках фуражку, начал скороговоркой:

— Товарищ Попов! Крыша протекает, затопило совсем...

Начальник Осташковской ремонтно-строительной конторы Борис Александрович Попов лениво взглянул в окно.

— Во-первых, в данный момент крыша протекать не может: дождя нет. Во-вторых, почти во всех домах крыши текут А в-третьих, крышу крыть нечем.

Жильцу, видимо, тоже больше крыть нечем. Всё же он собирается что-то сказать, но тут в комнату врывается запыхавшийся полный гражданин.

— У меня стена рухнула!.. — заявляет он, переводя дух.

— Одна рухнула, три остались,— хладнокровно прерывает его Попов.— Зачем же шуметь? Вон на днях целый дом завалился, так что же, по-вашему, мне влезть на колокольню и кричать об этом на весь город?

Сражённый неумолимой логикой Попова, умолкает и этот визитёр. Но перед Поповым стоит уже следующий.

— Печь негодную сложили,— начинает жаловаться он.— И не топили мы её, а она осела, трещины дала, вот-вот рассыплется...

— Кирпич, стало быть, плохой,— парирует Попов.— Впрочем, летом печь не проблема. Поважней дела имеются. Словом,— обращается он ко всем посетителям, набившимся в небольшой кабинет,— осадите, граждане, и давайте не будем отрывать людей от работы...

И так каждый день. Иной раз в густую толпу жильцов вкрадывается какой-нибудь хозяйственник с претензией несколько иного рода:

— Что ж это делается, товарищ Попов? Семь тысяч к оплате! Да у нас работы от силы на три тысячи было! Грабёж!

— Не грабёж, а ошибка! — поправляет хозяйственника Попов.— Давайте счёт. Мигом исправим!

Нет покоя Борису Александровичу не только в конторе; где бы он ни появился — в бане, на улице, в чайной,— всюду его обступает взволнованная толпа жертв ремонта.

А Попов терпеть не может разговоров вокруг собственной персоны. Он из личного опыта знает, к чему это ведёт.

Однажды, когда он возглавлял такую же контору в Зубцове, тоже всё началось с разговоров. А кончилось делом. Судебным. И пришлось Борису Александровичу покинуть начальническое кресло, оставив на память неблагодарным жителям запущенное хозяйство и свою фамилию в приговоре народного суда.

Его прибытие в Осташков, может быть, и сошло бы незамеченным, но как раз в этот момент работники юстиции подводили итоги бурной деятельности руководителей местной ремонтно-строительной конторы.

Контора осталась без начальства. Тут-то и подвернулся Попов.

— С конторой справитесь? — поинтересовался у него председатель райисполкома тов. Пугачёв.

— Отчего же,— не моргнув глазом, отвечал Попов,— мне не впервой. Дело знакомое...

Обрадовалась Попову и председатель городского совета тов. Запутряева. «Лучшей кандидатуры не найти! Опытный человек! Прошёл огни, воды и медные трубы! Ему и контору в руки!»

Определённо Борис Александрович родился в сорочке! Все возникавшие конфликты он ликвидировал необычайно быстро.

Отказались как-то управляющие домами подписывать акты расхода стройматериалов.

— Не хотят — и не надо! — принял решение начальник конторы.— Обойдёмся и без них!

И действительно обошлись. Даже, по мнению Попова, лучше стало. Получил десятник на складе материалы, и делай с ними, что хочешь. Только бумажку в бухгалтерию представь: всё израсходовано!

Безмятежная жизнь процветала в конторе. Но однажды на безоблачном осташковском небе появились тучки. Молнией блеснул на страницах районной газеты фельетон, кратко поведавший о некоторых сторонах деятельности ремстройконторы. Притаился Попов и стал ждать грома. По всем законам природы, после молнии гром быть должен! А грома и не последовало.

«Никаких злоупотреблений не обнаружено», — сообщил газете райисполком.

Только было воспрянул духом Попов — опять тучи сгустились: приехал ревизор. И в своём акте осветил столько злоупотреблений, что, казалось, не миновать Попову большого грома. Но и на этот раз гроза прошла стороной. На начальника конторы ни одной капли не упало.

Крепко стоит на осташковской земле Борис Александрович Попов. К сожалению, этого не скажешь о домах, им отремонтированных. Плоды деятельности строителей явственно выступают на фасадах зданий и стенах квартир в виде трещин, пятен и обвалившейся штукатурки.

Впрочем, эти отличительные знаки можно встретить и на домах, к которым руки Попова ещё не прикасались и, видимо, долго ещё не прикоснутся.

...В городской библиотеке имеется любопытный документ. Это указ императрицы Екатерины II от 1770 года о преобразовании Осташковской слободы в город. В нём, между прочим, говорится:

«Жителей, которые имеют старые свои дома, в настоящее время к перестройке не принуждать, а оставить эти дома до того времени, пока сами собой обветшают, повалятся или каким-либо другим случаем уничтожатся...»

Осташковские руководители, по всей видимости, считают своей обязанностью твёрдо следовать указаниям блаженной памяти императрицы. Грустно, но факт!

Почему это происходит? Ни председатель райисполкома тов. Пугачёв, ни председатель горсовета тов. Запутряева ответить так и не смогли.

А. ЕГОРОВ

г. Осташков,
Калининская область.

В. ГРАНОВ, Мих. ПУСТЫНИН

Подозрительное усердие

Путёвкам он не рад.
Не ездит отдыхать двенадцать лет подряд
Ни в Кисловодск, ни в Евпаторию,
Ни на другую территорию.
Чем объясняется всё это!
Неужто так незаменим!
О, нет! Боится он: уедет в Крым —
И станет ясно коллективу треста:
Не только к лету опустело место,
А было круглый год пустым!

●

П. ВЕНИАМИНОВ, С. ЭЙДЛИН

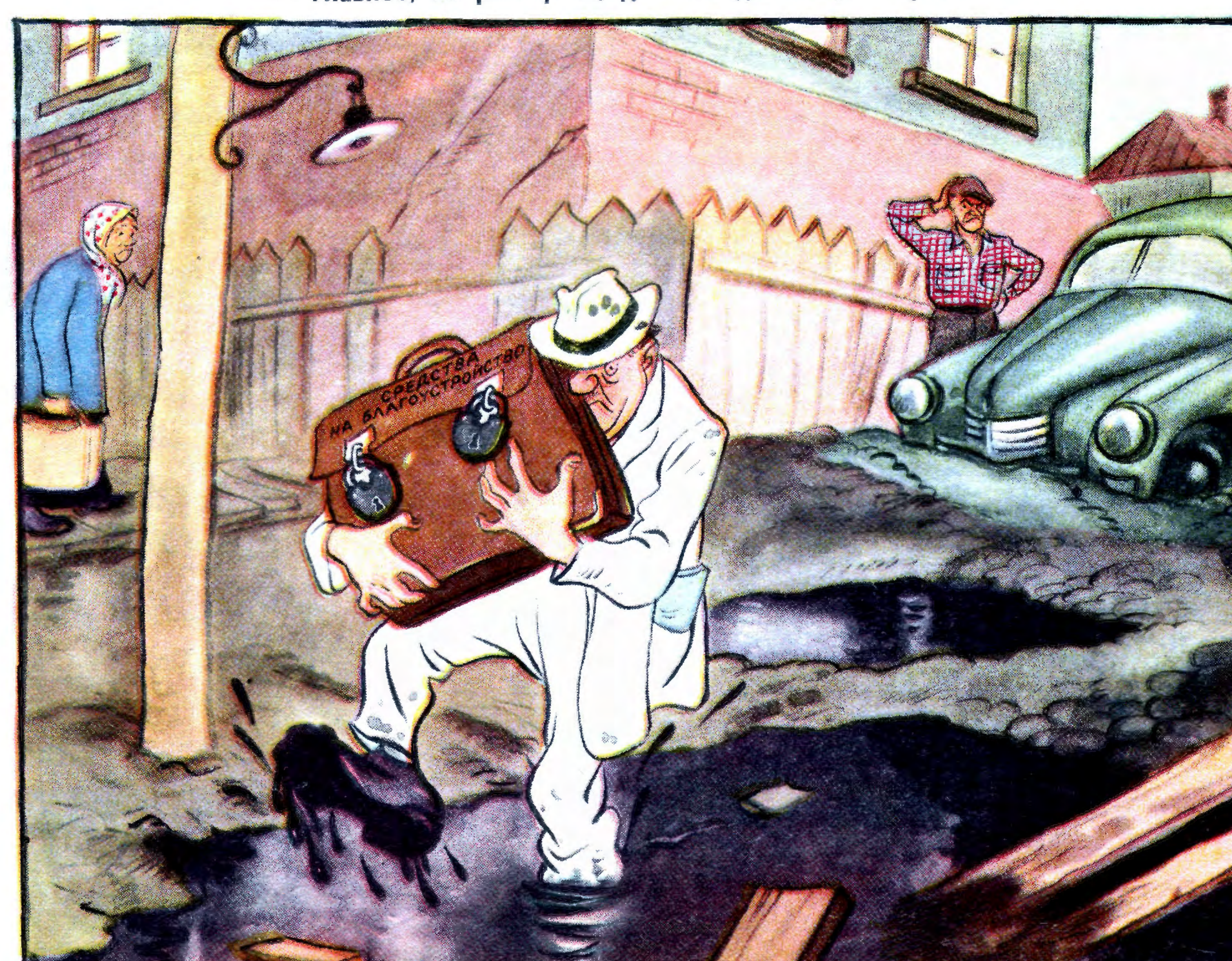
Обвал

Охи,
Вздохи,
Разговоры...
Кто подумать только мог!
В помещенье стройконторы
С треском рухнул потолок.
— Так! —
Сказал начальник хмуро,
Обозрев притихший штат.—
Это — дело штукатура,
Он, негодный, виноват!
— Чепуха,—
Заметил кто-то,—
Потолок — наверняка
Жертва дутого отчёта,
Для которого
Без счёта
Брали цифры «с потолка»!

Местные советы плохо используют средства, отпущенные на благоустройство городов и посёлков.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Главное, не растерять, донести до конца квартала...

СЛУЧАЙ В АТЕЛЬЕ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ЗАКАЗЧИК:— Не понимаю, почему костюм получился такой узкий!..

В. КУКАНОВ

БЛЕСК И ТЕНЬ

Двенадцать квадратных метров, как ты их ни крути,— всё те же двенадцать квадратных метров: четыре неполных шага в одну сторону и три с небольшим в другую. Не разгуляешься!

— Ну, проверяем последний раз! — Федя обвёл взглядом свои владения.— Итак, здесь встанет кровать, рядом с ней — гардероб. В том углу — трельяж, дальше — письменный стол, книжный шкаф, этажерка. В центре — стол, обязательно круглый: его легче обходить...

— Угу! — сияя голубыми глазами, согласилась Зина.— Только в том углу всё-таки лучше бы поставить телевизор.

— Опять своё! У нас его нет, и неизвестно, когда будет. Куда же тогда мы поставим трельяж?

— Но ведь и трельяжа у нас ещё нет...

И в самом деле, трельяжа, так же как и телевизора, не существовало ни в комнате, ни вообще в движимом имуществе хозяев. В их апартаментах солнечные зайчики играли на голых стенах. Сами хозяева, молодожёны Зина и Федя Колокольцевы, сидели, подстелив газеты, на полу, только что отмытом от строительной извёстки. Перед ними лежал лист бумаги. На нём они планировали расстановку ещё не купленных столов и гардеробов. Обзавестись мебелью раньше они не могли. Во-первых, не так давно вышли из возраста, когда живут и в ус не дуют, хотя бы потому, что усов нет. Во-вторых, Федя до сих пор жил в заводском общежитии, а Зина — у тётки. В домашнем хозяйстве у них собственностью считались только расчёски и зубные щётки. Сейчас они были примерно в положении Адама и Евы на заре человечества, с той только разницей, что чувствовали себя не изгнанными из рая, а, наоборот, вступившими в него — в двенадцатиметровый рай с солнечными зайчиками на стенах.

— А сколько у нас денег? Что мы можем купить? — спохватился Федя.

На том же листе бумаги был произведён расчёт неотложных расходов: «Обеды на заводе», «Завтраки и ужины дома», «Дело № 306», «Кастрюлька»... Свободных оставалось семьсот двадцать рублей.

— Ну что ж! — тряхнул рыжеватыми вихрами глава семейства.— На самое необходимое хватит. Кровать, стол, пара стульев.

— Только пара? А если к нам придут гости, что же они, на кровать будут садиться? — запротестовала Зина.

— Ладно, четыре стула... Поехали обзаводиться!

Через двадцать минут, нетерпеливо подталкивая друг друга, они входили в мебельный магазин.

Первое, что бросилось им в глаза,— две кровати, стоящие рядом. Кровати были убраны белоснежным бельём, кружевными накидками и покрывалами, они, казалось, пели о прелестях уюта. Полированные спинки блестели, точно их помазали горячим маслом. Молодые покупатели застыли перед этим чудом мебельного производства.

— Ах! — наконец выдохнула Зина.— Нам бы такие!

— А где бы ты их поставила? — шёпотом охладил её Федя.

Зина всё-таки не выдержала, спросила у продавца:

— Сколько стоят такие кровати?

— Тринадцать...

— Что?!

— Тринадцать тысяч стоит спальный гарнитур. Отдельно кровати не продаются,— объяснил продавец.

Его слова произвели на молодожёнов действие, которое обозначается не совсем благозвучным словом «ошарашить».

Федя ощупал карман, где лежали заветные семьсот двадцать рублей, схватил Зину за руку и на цыпочках удалился от образцово-показательной спальни.

В следующем отделе, где они очутились, центральное место занимал круглый стол. Сучки и задоринки на нём, подобранные с редким искусством, расходились от центра по светлому полю лучами.

Не успели покупатели ахнуть от изумления, как к ним подскочил проворный розовенький толстячок. Радушно, будто приглашая отобедать за этим столом, толстячок забормотал:

— Пожалуйста, пожалуйста, молодые люди. Замечательный столовый гарнитурчик! Прекрасный стиль. Тонкая работа. Исключительно красивый сервант... Куда же вы? Пожалеете, что упустили такую возможность. Всего девять тысяч семьсот рублей...

— Ничего себе «всего»! Если бы он знал, сколько у нас «всего-навсего»! — не очень добродушно заметил Федя. Он увлёк Зину в следующий отдел.— А тут что?

Сидевший в глубокой задумчивости человек услышал федин вопрос и с вежливым полупоклоном ответил:

— Кабинет.

— Чей?.. А вы директор магазина?

Задумчивое лицо человека слегка тронула улыбка.

— Вы меня повысили. Пока я только заведующий отделением... Это мебель для кабинета.

— Ничего себе кабинетик! Для министра, что ли? — удивился Федя, оглядывая сверкающий лаком и стеклом книжный шкаф, столы и кресла.

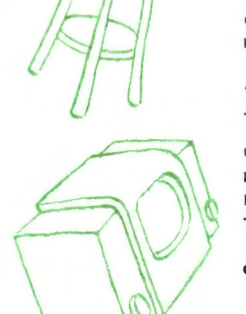
— Это кабинет домашний,— объяснил деликатный заведующий отделением.— Служебный выдерживается в более строгих формах, обивка обычно делается кожаная, а здесь на лёгких креслах и стульях вы видите роскошное драпри цвета африканского фламинго.

— Ах, даже фламинго! — восхитился Федя.— Сколько?

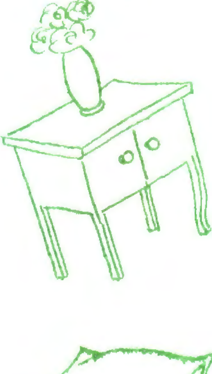
— Четырнадцать.

— Считайте за мной!.. Как только заимею кабинет и четырнадцать тысяч, немедленно покупаю.

— Федя, ты начал грубить,— выговорила ему Зина, когда молодожёны отошли от фламингового кабинета.

— А что они из магазина сделали выставку редких образцов? — недовольно отозвался муж.— Где же у них нормальные вещи?

Они вошли в новый отдел. Здесь громоздились тахты, диваны, кресла, широкие, как сани-розвальни.

Молодые люди пробрались в уголок, где в два этажа, один — вниз ножками, другой — вверх, были расставлены стулья.

— «Стул п/м, 109 рублей»,— прочёл Федя на этикетке.— И тут «драпри цвета африканского фламинго».

— Какой же это фламинго? — поправила Зина.— Васильковый цвет.

— Пусть хоть цвет молодой лягушки! Ты вот куда смотри: сто девять рубликов! Если мы купим четыре стула, прощай стол.

— Ну, может быть, нам два купить?

— А гости? На кровать будут садиться?..— съехидничал Федя.— Скажите, пожалуйста, есть у вас в магазине простая мебель?

Пробегавший мимо продавец, облепленный хлопьями мешковины, неопределённо махнул рукой: там, дальше.

Дальше шёл отдел, который хотя и расширил представление молодых покупателей о типах мебели, но мебелевладельцами их не сделал. Радуя глаз девственной белизной оголённого тальника, там просторно расположились плетёные качалки, скамейки, кресла, столы: всё для дачника! Недоставало только кустов сирени и комариного зуда.

— Сюда мы заглянем попозже,— ещё у двери остановился Федя,— сразу, как только строители вручат нам ключи от нашей виллы. Пошли из этого музея!..

В другом магазине не было музейного порядка. В огромном зале «смешались вместе кони, люди». Покупатели двигались по запутанному лабиринту и, как в лесу, аукались.

— Ого! Вот тут, пожалуй, разживёмся! — загорелся надеждой Федя.— Это что? «Столик под телевизор». Не к спеху!.. Тут? «Книжный шкаф с письменным столом». Четыре тысячи! Я этого лакового блеска начинаю бояться, как змеиного взгляда. А это что ещё за тумба, обшитая «драпри цвета африканского фламинго»?

— Дался тебе «фламинго»! Салатовый цвет! Это мягкий пуфик для сидения...

— А я думал, коллективная подушка для иголок из швейной артели.

Федя всё больше раздражался. И было от чего. Они обследовали весь лабиринт, но ушли с пустыми руками.

На упрямстве и оптимизме молодых держится земля. Они узнали адрес очередного мебельного магазина, выпили по два стакана газированной воды и, чувствуя, как под ногами мнётся размягчённый солнцем асфальт, поплелись к троллейбусной остановке. И тут счастье улыбнулось им. Из-за угла показались люди со стульями в руках. Стулья были простые, гнутые, приятные с виду — то, что они желали.

Через минуту Федя и Зина уже сидели в троллейбусе и, досадуя на каждую остановку, катили в другой конец города.

— А как мы оттуда их повезём? — заволновалась Зина.

— Только бы купить, а довезти — дело десятое!

Но до «десятого дела» дело не дошло. Как ни спешили они, но, когда, запыхавшиеся, вбежали в магазин, там, как память о стульях, остались только стопки наколотых на спицы чеков. Разочарованные покупатели, простоявшие в очереди зря, атаковали продавца:

— Будут ещё такие стулья?

— Не могу знать, товарищи! Не могу знать! — отбивался задёрганный продавец.— Бывают, но редко. Наведывайтесь. Заглядывайте.

Федя при виде этой сцены только крякнул со злости. На круглое розовое лицо Зины набежала тень. Она тоскующим взглядом обвела магазин. И вдруг испуганно вскрикнула:

— Феденька, круглые столы!

Неподалёку стояло несколько столов нормальной величины и без масляного блеска. Молодые люди подскочили к ближайшему.

— Стоит 278 рублей! Да это же наша мечта!..

— Выпишите нам немедленно вот этот стол,— потребовал Федя у продавца.— Зина, становись к кассе!

Седенький старичок-продавец с огрызком химического карандаша за ухом приятно улыбнулся в ответ:

— Ни немедленно, ни медленно, никак не могут выписать вам стол, ребятишки.

— Почему?

— Продан. Видите, на всех картоночки стоят? Там ясно написано: «Продан». Такой товарец не застаивается. С руками рвут... Может, вам подойдёт вот этот столик? Очень приличный, полированный...

Федя доверчиво поведал старику о своих ресурсах.

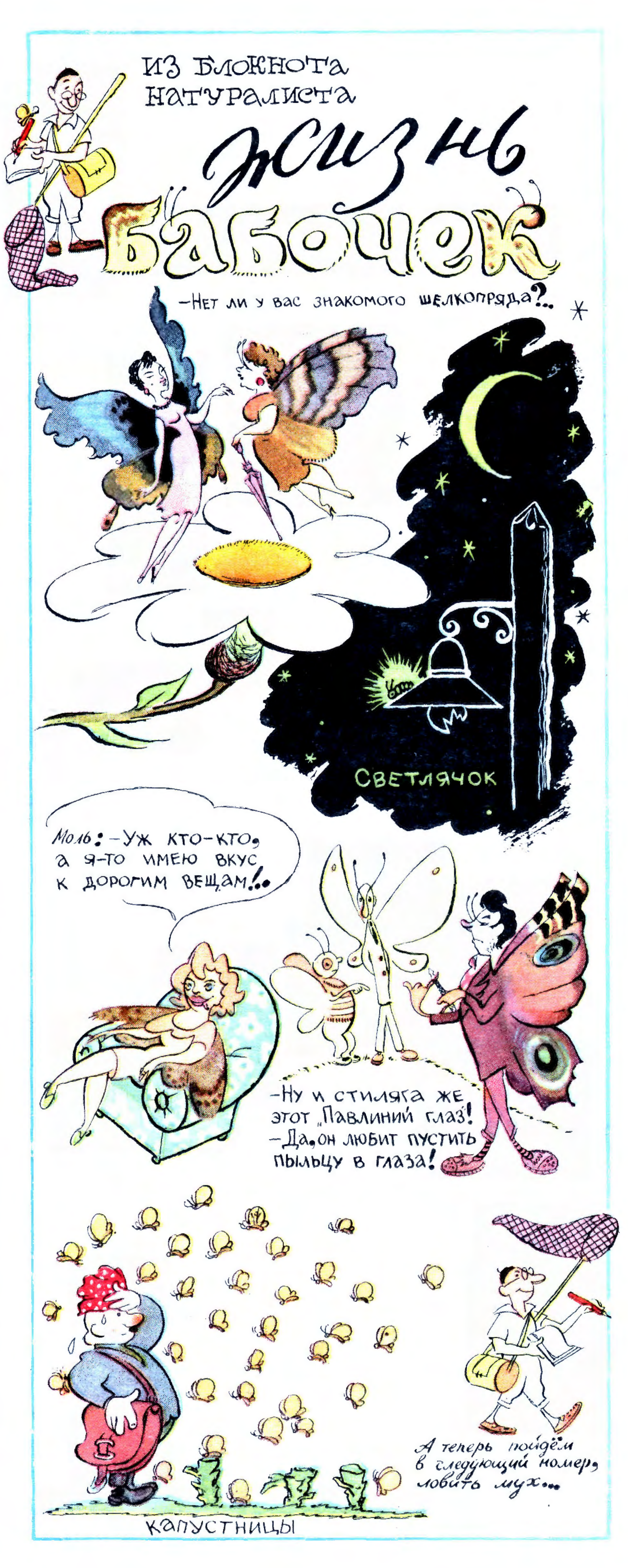
— Ну что ж, ребятишки, семьсот двадцать рублей — это деньги! Что задумали, можно купить! Вот такой столик. Стулья, как вот у нас были, по сороковке. Рублей триста кровать. Бывают хорошие за эту цену. Всё бывает, но редко.

— Спроса нет? За дорогими вещами, что ли, все гонятся?

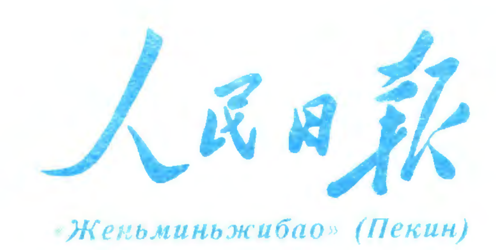
— Ты молодой, а пошутить любишь! — покачал головой старик.— Сами, ребятишки, видать, с производства, должны понимать механику. Какой интерес фабрике выпускать дешёвые вещи? Вон тот шкаф стоит 3 400 рубликов, а простенький какой-нибудь — шестьсот — семьсот. Сколько их нужно сделать, простых-то, вместо одного этого полированного? Штук пять? Гору дерева перевалить придётся, а деньги в план одни и те же. То-то и оно!..

Зина тяжело вздохнула. Она вдруг почувствовала, как у неё гудят от усталости ноги. Ей захотелось домой, придти в их светлую, гулкую от пустоты комнатку и сесть прямо на план, который они так старательно чертили утром.

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

В гостях у Крокодила

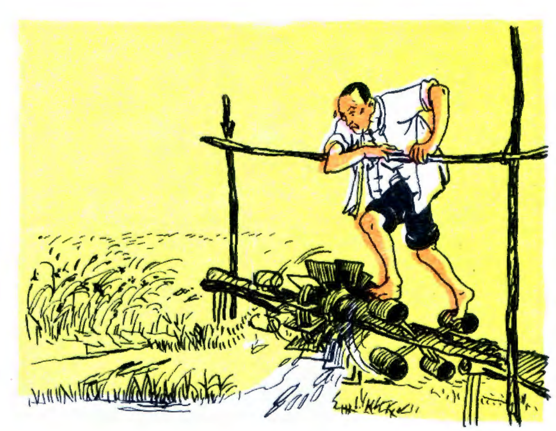

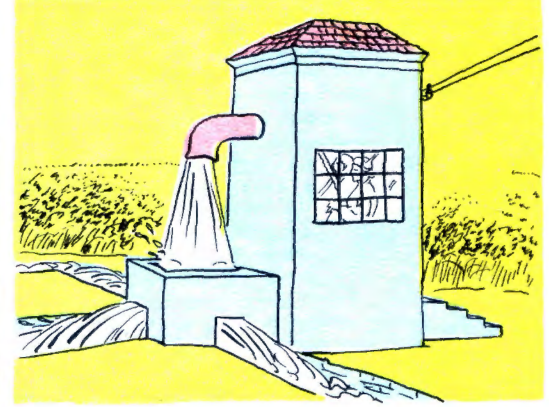
«Женьминьжибао» (Пекин)

«Маньхуа»
(сатирический журнал, Пекин)

Рисунок ЧЖАН ЛЭ-ПИНА.

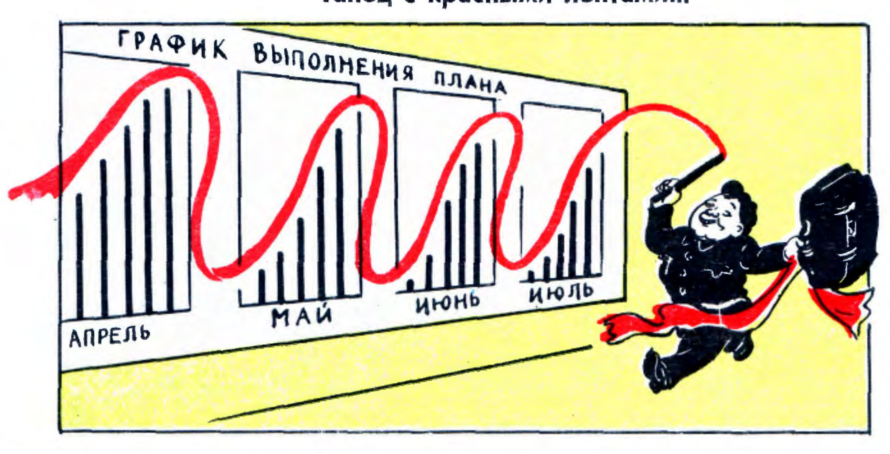

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Рисунок БАИ ШУЯ и МИН ДЭ.

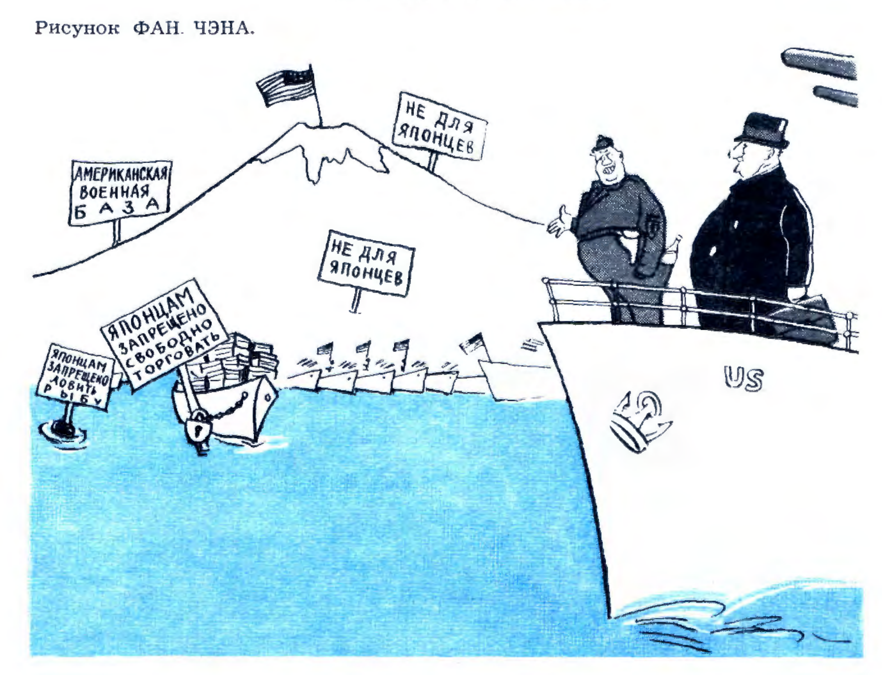
Танец с красными лентами...

...в исполнении любителя штурмовщины.

У БЕРЕГОВ ЯПОНИИ

Рисунок ФАН. ЧЭНА.

— Всё это принадлежит свободному миру, поэтому мы чувствуем себя здесь совершенно свободно!..

ЭТО НЕ ИГРУШКИ

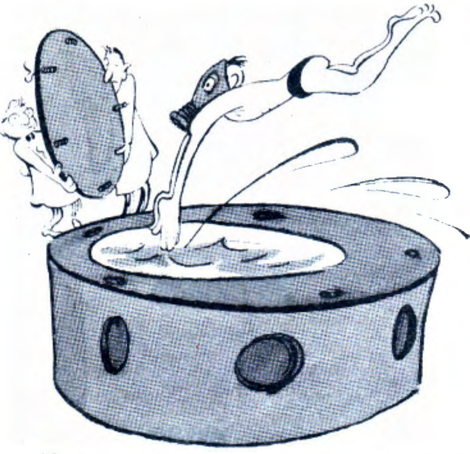
Рисунок ЦЗЯН Ю-ШЭНА.

Прожорливые уточки.

Рисунок ГАО ИНА.

Опасный волчок.

Памятников не будет!

— Морские свинки нам не помогут,— сказал Джон Лилли и начал раздеваться.— Во имя науки я проделаю этот опыт на себе.

Оставшись в чём мать родила, Джон Лилли, научный сотрудник американского «Института психического здоровья», натянул на физиономию кислородную маску, сделал ручкой «гуд бай» и отважно нырнул в бак с водой. Ассистенты благоговейно проводили взглядами мелькнувшие в воздухе жёлтые пятки шефа и заботливо прикрыли бак светонепроницаемой крышкой. Эксперимент под условным названием «Утопленник» начался.

Кромешная тьма и могильная тишь обступили учёного мужа. Некоторое время он чувствовал себя на дне бака, как дома на диване. А затем наступило какое-то отупение и в голову подвижника густо полезла всяческая несусветная белиберда и чушь. Почудилось ему, например, будто чёрная завеса перед его глазами отступила и взору открылся убегающий вдаль туннель, который мерцал голубоватым светом.

И тут, на самом, можно сказать, интересном месте, кислородная маска внезапно дала течь. Чертыхаясь и отфыркиваясь, Джон Лилли вылез из бака. Так человечество и не узнало, куда вёл голубой туннель...

Едва обсохнув, отважный экспериментатор ринулся в комиссию по ассигнованиям сената США. Однако на пути Джона Лилли перехватил его непосредственный начальник — директор «Института психического здоровья» д-р Роберт Феликс.

— Постойте, любезный! — сказало начальство.— Давайте-ка разделим обязанности. В бак погружались вы, а докладывать сенаторам о ваших ощущениях и требовать ассигнований разрешите уж мне!

И вот перед сенаторами с большим докладом об изысканиях д-ра Лилли выступил его патрон.

Д-р Феликс сообщил сенаторам, что опыты Лилли были проведены для того, чтобы разработать способ *«промывания мозгов»*.

— Конечно,— сказал Феликс,— эту процедуру на практике можно проводить и не в столь изысканной обстановке, как бак с тёпленькой водичкой, а, например, в тюремной камере. Ибо мы выяснили, джентльмены, что свето- и звуконепроницаемая камера столь же эффективна. Разрешите пояснить мою мысль. Если заключённого лишить нормальных человеческих ощущений, мышление его дезорганизуется. В человеке просыпается отчаянный голод по информации из внешнего мира, какой бы недостоверной эта информация ни была.

Д-р Феликс сделал эффектную паузу и торжествующе продолжал:

— Вот тут-то «промыватель мозгов» и может привить заключённому нужные взгляды. И он, конечно, воспримет их, поскольку это единственная пища для его изголодавшегося разума. Такой системой, джентльмены, можно сломить любого, независимо от того, в какие доктрины человек ранее веровал...

Кого же собираются Феликс и Лилли подвергать операции «промывания мозгов»? Какие доктрины их не устраивают и какие взгляды они намерены прививать своим жертвам?

Отвечает на эти вопросы американская и канадская пресса.

Заметка в журнале «Тайм», рассказывающая об экспериментах Джона Лилли, озаглавлена: «Подготовка к промыванию мозгов». Значит, технология «промывания» разрабатывается *на будущее*.

Из «Нью-Йорк таймс» узнаём, что такого же толка эксперименты ставились канадским профессором Дональдом Хэббом, только Хэбб держал подопытных заточёнными в тёмный ящик. И, оказывается, «канадское *министерство обороны* до сих пор держит в секрете некоторые важные результаты этих опытов».

А канадская газета «Вестник», раскрывая помыслы тех, кто всё ещё не отрешился от воинственных настроений, прямо указывает, что «промыванию мозгов» придаётся значение своеобразного *оружия будущей войны,* а именно — средства «перевоспитания» военнопленных.

Дело, конечно, не в том, где именно намечено совершать обращение в капиталистическую веру: в затемнённой купели системы Лилли, в ящике конструкции Хэбба или в герметически закупоренной тюремной камере, рекомендуемой Феликсом. Это, так сказать, детали. Важно другое.

Капитализм болезненно переживает своё врождённое уродство. Он хочет казаться красивым и привлекательным, чтобы не отпугивать людские сердца. Он подыскивает себе благозвучные, ласкающие слух псевдонимы. Но, увы! Различные клички и эпитеты, вроде, например, «народного капитализма», не прибавляют ему обаяния. И вот мобилизованы такие учёные мужи, как Лилли, Хэбб, Феликс. Им поручено любой ценой опровергнуть поговорку «Насильно мил не будешь». Если человек в здравом уме отказывается уверовать в прелести капиталистического рабства, надо «промыть ему мозги»...

Вполне возможно, что Лилли, Хэбб и Феликс мечтают о мировой славе. Однако она им совершенно не угрожает. Мраморных бюстов не будет. Бронзовых тоже. По той же причине, по какой люди никогда не воздвигнут памятника унтерштурмфюреру Беккеру, изобретателю душегубки.

В. МАРКИН

Новое в науке и технике

Со времени нашего последнего обзора достижений зарубежной науки и техники («Крокодил» № 14) были получены новые результаты в самых различных областях.

Так, **физика** обогатилась открытием корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» в Токио м-ра Хэйли. Дело в том, что японская газета «Майници» опубликовала серию статей, критикующих деятельность американских бизнесменов в Японии. М-р Хэйли описывает реакцию этих бизнесменов на критику такими словами:

«Раздражение американских деловых кругов в Японии приближается к точке кипения».

В широких кругах физиков с интересом отмечают, что это кипение пока ещё не сопровождается испарением.

* * *

В области **химии** недавно также получены новые данные. Выступая на собрании «Американского химического общества», посол США в Западной Германии Джеймс Конэнт позволил себе клеветнические выпады против Германской Демократической Республики и между прочим заявил:

— Только западногерманское правительство может говорить от имени немецкого народа.

Как известно, подобного рода заявления относятся к разряду отравляющих веществ.

* * *

Из технических достижений заслуживает внимания новинка в области **гидротехнических сооружений**, сочинённая французским публицистом Раймоном Картье из журнала «Пари-матч». Тщетно пытаясь доказать «оборонительный» характер Атлантического блока, мсье Картье сравнил эту организацию с «временными сооружениями для задержания воды в период строительства плотины».

Инженеры-гидростроители подчёркивают, что это «временное сооружение» страдает существенным изъяном: оно поглощает многомиллиардные суммы в то время, как сама идея «задержания воды» не стоит и ломаного гроша.

* * *

Возвращаясь к научным достижениям, необходимо отметить, что в **логике** сказано новое слово, которым человечество обязано бывшему американскому сенатору Уильяму Бентону. В еженедельнике «Нью-Йорк таймс мэгэзин» этот мыслитель ставит вопрос о том, смогут ли советские люди «выполнить смелые экономические задачи в намеченное время». И сам отвечает:

«Мы не должны считать, что они просчитались, но мы также, безусловно, не должны считать, что они не просчитались».

Словом, советские люди одновременно, так сказать, и просчитались и не просчитались... Уильям Бентон, как видим, вплотную подошёл к открытию нового закона мышления, который может быть сформулирован так: «Лучше бессмыслица, чем правда».

Таковы некоторые новинки науки и техники за рубежом, в которых, как в капле H_2O, отражается застарелая политика «холодной войны».

Составил Н. ЭЛЕКТРОННИКОВ

КАМНИ В ПОЧВЕ

Возможно ли, чтобы снабженцы или торговые работники упорно направляли в Мурманск средство для повышения урожайности финиковых пальм и ажурные соломенные шляпы от палящего солнца, одновременно отказывая в требованиях на лыжи?

Возможно ли, чтобы из года в год они завозили на Черноморское побережье... лыжи, начисто изъяв из крымских и кавказских магазинов купальники, трусы и ажурные соломенные шляпы?

Невозможно? Как будто бы действительно невозможно. Здравый смысл подсказывает: зачем предлагать ненужное и отказывать в необходимом?

И всё же нечто подобное происходит в Прибалтике, и отнюдь не с шляпами и удобрениями для пальм, а с сельскохозяйственным инвентарём.

БРЕННЫЕ ОСТАНКИ

Эта история начинается во здравие, а кончается за упокой.

Министерство сельского хозяйства Латвийской ССР направило в Видрижскую МТС шесть пятикорпусных плугов. Директор станции Г. Лукин был готов новую технику встречать с духовым оркестром: ведь это были не просто плуги «П5-35», которые при здешней тяжёлой почве ломались на каждом шагу! Нет, к знакомому наименованию прибавились буквы «ЦУ», что означало «Целинный усиленный».

Плуг вручили Петерису Кронбергу, работающему на новеньком тракторе. Сиял плуг, сиял трактор, сиял юный Петерис.

Через несколько дней тракториста Петериса Кронберга встречали в Видрижской МТС. На этот раз сиял только трактор, но он остался в поле и в описываемых событиях участия не принимал. Директор и тракторист были мрачнее осенней тучи. Они присутствовали почти при похоронах: в грузовике лежали бренные останки плуга.

— На куски! — печально сказал Петерис.

Не успел директор заподозрить, что виной всему молодость тракториста, как вернулся старший брат Петериса — Артур Кронберг. Вторым новеньким плугом он попробовал пахать в другом колхозе, и с тем же успехом. Лучшие трактористы Карл Зупе и Янис Вейнберг, наученные горьким опытом пострадавших товарищей, захватили лемеха про запас и почти сразу же заменили три отвала из пяти.

Так печально кончили свою жизнь плуги, не подходящие для здешних мест.

КОНСТРУКТОРЫ ПОНЕВОЛЕ

Подобно рыцарю, выехал тракторист Петерис Менгелис из старинного замка с башней, где помещается Лиелстраупская МТС. Он жаждал подвигов. К его трактору был прицеплен культиватор «КУТС-4,2», что в переводе на разговорный язык означает культиватор универсальный тракторный, сконструированный Соловьём, с шириной захвата 4 метра 20 сантиметров.

Едва Менгелис на поле колхоза имени Жданова сделал первый заход, как передняя часть культиватора согнулась: конструктор, видите ли, рассчитывая только на идеально лёгкую почву, решил сэкономить 30 сантиметров металла в так называемой средней «снице».

Волей-неволей пришлось эту конструкцию исправлять самому трактористу. Он вместе с бригадиром Янисом Лорупсом срубил две молодые липки и наложил доморощенную заплату.

Но стóило на культиваторе с этим протезом сделать ещё заход, как сорвалась одна пружина, за ней вторая, третья, четвёртая... Каждый раз приходилось останавливаться и менять болтики.

В поисках спасения Янис выпросил у колхозников цепь, на которой водят коров. Петерис разрубил её на куски и приковал пружинные зубья к раме. Теперь можно было работать, не беспокоясь о том, что пружины потеряются.

Ни в Министерстве тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, ни на «Красном Аксае», создавшем культиватор, который неожиданно стал орудием пытки латвийских трактористов, до сих пор, наверное, не знают, что после истории с цепью их детищу в Латвии присвоена другая марка: не «КУТС», а «КУКЦ», то есть «Культиватор, улучшенный коровьей цепью».

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АССОРТИМЕНТ

Бывали ли вы в Латвии? Приглядывались ли к её полям?

Даже если не бывали, возьмите карту, и вам всё станет ясно. Вот, например, Лимбажский район, расположенный к северу от Риги. В районе деятельности Лимбажской МТС девять колхозов и... десять озёр, три реки с многими притоками, пятнадцать лесных массивов, не считая мелких колхозных лесов и бесчисленного количества болот и осушительных каналов. Само собой разумеется, размеры колхозных полей здесь небольшие. А в довершение всего почвы засорены камнями.

Машины и орудия для подобных районов — а их много! — нужны поворотливые, с широкими колёсами, способные проходить по сырым местам, не вязнуть в глине и не ломаться, если в почве повстречаются камни.

Всё это так же ясно, как и то, что на юг не надо завозить полярное оборудование, а на севере зимой обойдутся без соломенных шляп. Но год из года с необычайным упрямством Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР заставляет заводы выпускать инвентарь, якобы годный для любых географических районов страны. С ещё большим упрямством деятели Министерства сельского хозяйства СССР заказывают и направляют на северо-запад страны машины и орудия, малопригодные для Прибалтики.

Там вынуждены брать то, что дают: ведь ничего другого всё равно нет.

О негодных машинах непрерывно пишут, жалуясь, из прибалтийских республик. Недавно в Москве состоялось специальное совещание, где снова и снова повторяли:

— Либо надо приспособить существующие машины, либо создать новые.

А пока...

Пока на складе одной только Мадлиенской МТС лежит почти на полтораста тысяч рублей ненужных ей машин. Во всех МТС республики заводские копнители к комбайнам заброшены, а бойко работают самодельные приспособления. Вместе с пятикорпусными «модернизированными» (!) плугами Алтайского завода Министерство сельского хозяйства ЛССР направило предостерегающие письма в МТС о том, что рамы новых плугов непрочны и их следует укреплять... старыми рельсами.

Круглый год по всем МТС Латвии раздаётся дружный звон молотов: это идёт доработка заводской продукции. То, что на заводе стоило бы копейки, здесь, в МТС, обходится в десятки и сотни рублей. Переделки и «реконструкции» по одной только Латвийской ССР уже вызвали миллионные перерасходы. А попробуйте подсчитать те же убытки в Литве, Эстонии, на северо-западе РСФСР!

АФОРИЗМЫ

Но всё это не очень волнует Управление новой техники и испытания машин Министерства сельского хозяйства СССР.

— Во-первых, пусть мне докажут, какие из машин не приспособлены к условиям северо-запада, — говорит Александр Фёдорович Барсуков, начальник этого управления. — Во-вторых, да будет вам известно, в природе нет машин и орудий, которые были бы к тем условиям приспособлены. В-третьих, год на год не приходится, а участок на участок не похож, поэтому всего не учтёшь. Сами работники совхозов и МТС Прибалтики виноваты: не хотят убирать камни с полей. И вообще, если хотите знать, дело не в машинах, а в стиле работы.

Здесь что ни фраза, то повод для дискуссии.

Вступив на заманчивый путь афоризмов, А. Ф. Барсуков закончил свою речь редкой по глубине сентенцией:

— Если шляпа предназначена для ношения на голове, незачем её приспосабливать для других целей.

Так неожиданно, не по собственной инициативе, мы вернулись к вопросу о шляпах.

Невольно вспомнились — в силу контраста — замечательные люди: тракторист Мадлиенской МТС Вентис Лепиньш и механик Карлис Андриксон, которые, потеряв надежду получить подходящий заводской инвентарь, сами сконструировали и сами в эмтээсовской мастерской за месяц изготовили навесную межколёсную тракторную сеялку, удобную для малых участков, лёгкую и неломкую.

— Отлично работает! — дал своё заключение бригадир Петерис Гаварс. — Она только и выручила нас: сеет быстро и хорошо.

Камни в почве, — конечно, неприятное явление. Но это — от неласковой природы, и трудолюбивые жители Латвии и соседних республик и областей, как могут, борются с этим. Труднее, оказывается, бороться с твердокаменными преградами в двух министерствах, которые на годы задерживают решение важного вопроса.

Юр. АРБАТ,
специальный корреспондент «Крокодила»

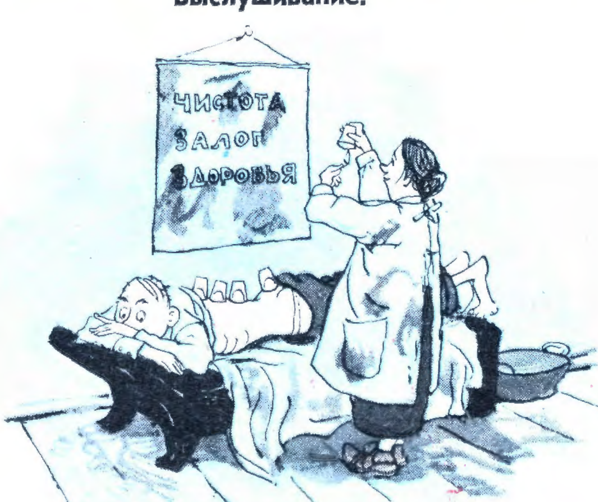

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

БУДНИ РАЙОННОЙ ПОЛИКЛИНИКИ

Выслушивание.

Лечебный сон.

Грязи.

Водолечение.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

КОМУ ЧТО

— Поздравь меня: я доцент!
— Подумаешь! А я уже профессорша...

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

В ПОРЯДКЕ ПРОФИЛАКТИКИ

— Соломы заготовь побольше, чтобы на каждого утопающего хватило!..

ТАШКЕНТСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ

Казалось бы, канули в Лету времена волшебников и прочих чудотворцев. Давненько уже не слышно о каком-нибудь свершившемся чуде.

Но вот сразу два чудотворца объявились в городе Ташкенте. Они ещё не причислены к лику святых, но уже сейчас их деяния непостижимы уму человеческому.

Фамилия одного из них — Михин. Величают Игнатием Дионисовичем.

Это не просто чудотворец, а чудотворец-заочник! Не выезжая из Ташкента, он обещает сотворить какое угодно количество чудес в любом другом городе. Совсем недавно многие жители Саратова получили любезные предложения волшебника Михина, присланные авиапочтой. Вот одно из них, полученное гражданином П.:

«Это лекарство есть набор моих трав, которые вылечивают не только глаза но клетку всего организма.

Вылечу вас в среднем 3 месяца. Об этом вы напечатаете в газете коммунист чтобы и другие вылечивались от всяких болезней... Когда выздороветe тогда и поблагодарите в данный момент переведите по телеграфу 50 рублей».

Другим гражданам города Саратова более повезло. Они получили подробное разъяснение метода чудотворца Михина, правда, за более высокую плату:

«Вашу болезнь вылечу в среднем 3 месяца. Переведите 100 рублей и Вы получите посылку, а в ней будет все что надо.

Этот набор состоит из многих трав и поэтому он вылечивает всякие болезни и рак, не родившая будет родить, немой заговорит, слепой будет видеть, согнутые руки и ноги выпрямляются, вылечиваются и всевозможные параличи. Человек делается трудоспособным гражданином.

С приветом Михин И. Д.»

И что вы думаете? Находятся такие, которые шлют Михину деньги!

Второй чудотворец — лицо женского пола. Это Надежда Павловна Алёхина. Берёт она с клиентов куда меньшую плату. И представьте себе: за какие-нибудь пятнадцать — двадцать рублей вы можете узнать своё будущее в самых мельчайших подробностях! Чудеса свои Алёхина вершит при помощи засаленной колоды карт. Опыт талантливой ворожеи уже дважды освещался в фельетонах газеты «Правда Востока».

Странно только то, что к Михину до сих пор не обратились ташкентские работники прокуратуры и милиции, под носом у которых происходят все эти чудеса: может быть, он вылечит их от близорукости? А когда они к нему заглянут, не предскажет, пожалуй, даже вещунья Алёхина.

ШЛА ДЕВИЦА ЗА ВОДОЙ...

Когда по городу Минеральные Воды разносится жестяной гром и жители окраинных районов устремляются с вёдрами на центральные улицы, это означает, что лето вступило в свои права.

У водоразборных колонок выстроились длинные очереди. Тут и домашние хозяйки, и почтенные отцы семейств, и шумливые представители юного поколения. Состав очередей всё время меняется, но главная тема разговоров остаётся неизменной.

— А что, Иван Иванович, ваша дворовая колонка тоже безводная?

— Безводная, совсем безводная! Вот приходится таскать к чёрту на кулички полные вёдра...

И все стоящие в очереди, без различия пола и возраста, дружно ругают местную контору «Водоканал», которая каждое лето устраивает «водяные сюрпризы» жителям городских окраин. А тем временем строгие контролёры «Водоканала» обходят дозором дворы. Они требуют, чтобы жильцы домов достали хоть из-под земли водомеры, которых в городе днём с огнём не сыщешь, и установили эти водомеры на дворовых колонках. Правда, во многих случаях там и мерить-то нечего по причине отсутствия всякого присутствия воды. Но это, повидимому, мало интересует деятелей конторы. К лицу ли им входить в такие мелкие технические детали?

КАК НИ СТРАННО, НО...

...согласно порядку, установленному на станции Салават, желающий получить билет в вагон прямого сообщения Салават — Москва должен предъявить начальнику станции тов. Кошляку справку о прописке.

Затея хитроумная, но непонятная!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Обычно мы призываем к росту, к расширению предприятий. Но сейчас мы расскажем тебе, как укрупнилось наше предприятие, и ты согласишься, что рост росту рознь.

Раньше наша фабрика именовалась машинно-счётной станцией и с успехом обслуживала завод «Манометр». Теперь станцию переименовали в фабрику. А раз название стало громче, то и штаты нам намного увеличили.

И вот сейчас «Манометр» отказывается от слишком дорогих услуг фабрики. А что делать нам? Сидим мы и подсчитываем, во что обошлось это переименование. Вычисления показывают: чистые убытки уже составили более трёхсот тысяч рублей!

Может быть, в Министерстве финансов всё же поймут, что фабрике вовсе такие штаты не нужны, и что нам, кроме подсчёта собственных убытков, полезно и ещё чем-нибудь заняться?!

М. ЛУНАЧАРСКАЯ,
бригадир машинно-счётной фабрики.

г. Москва.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, что: 1) известный художественный фильм «Два капитана» относится к жанру... сатирической кинокомедии, 2) этот фильм поставлен в... Бухаресте с участием румынских артистов? По крайней мере, так утверждает газета «Ленинабадская правда».

Участие редактора газеты М. В. Хмельницкого в этой странной кинотрансформации носит, скорее, характер безучастия: поскольку объявления в газете печатаются ниже его подписи, он полагает, что соответствие между текстом и действительностью здесь не столь обязательно, как в столбцах выше его подписи. Увы! Подчас и редакторам свойственно заблуждаться...

Г. МИХАЙЛОВА

г. Ленинабад.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Не можешь ли ты разрешить наши сомнения: когда в этом году заканчивается первый квартал? Дело в том, что нам в колхозе «Весёлая степь» понадобились автовесы. Обратились мы с просьбой в Министерство сельского хозяйства республики.

— Будут в первом квартале, и ни днём позже! — обнадёжил нас начальник главного управления материально-технического снабжения тов. Вербицкий.

— В первом квартале будете с весами,— без колебаний подтвердил заместитель председателя правления Казпотребсоюза тов. Попов.

Ждём мы до сегодняшнего дня. А весов всё нет. Раньше мы считали, что первый квартал заканчивается в марте. Если это так, то не кажется ли тебе, дорогой Крокодил, что, обещая нам весы и намечая сроки их присылки, тов. Вербицкий и тов. Попов должны были хорошенько взвесить собственные слова?

А. ХОХЛАЧЕВ,
председатель колхоза.

Кустанайская область.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Из истории известно, что в далёкие времена земля переживала так называемый ледниковый период.

Нечто подобное ледниковому периоду, но в миниатюре, переживают сейчас жители нашего посёлка. Несколько последних лет в жаркие летние дни центральная улица заполняется ледниковыми талыми водами. Откроем тебе секрет: наш ледник не природный, а искусственный, созданный железнодорожниками. Так что существование его в наши дни вполне объяснимо. Странно другое: в Министерстве путей сообщения, куда неоднократно писали жители посёлка вопрос о переоборудовании ледника всё ещё находится на точке замерзания.

Д. МАРЧЕНКО,
В. ТКАЧЕНКО.

пос. Чертково,
Каменской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Говорят: «Сухая ложка рот дерёт». Такими чудными свойствами славятся ложки в нашей заводской столовой.

Эти неповторимые в своём роде приспособления для еды были изготовлены по инициативе директора столовой тов. Ждановой в кузовном корпусе, где начальником тов. Попов.

При изготовлении этих металлоизделий было проявлено немало творческой выдумки. Основная идея заключалась в том, чтобы все эти предметы как можно меньше напоминали обыкновенные столовые приборы.

И хотя острые заусеницы, оставшиеся после шлифовки, не доставляют особого удовольствия посетителям столовой, зато каждый чувствует, что изобретатель тов. Попов потрудился недаром. Пословицу насчёт ложек можно теперь у нас на заводе усовершенствовать: наши ложки «дерут рот» не только когда они сухие...

А. БЕЛЬМАСОВА *и другие.*

г. Горький.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Тебе, конечно, известны свойства сахара: он сладкий. А вот нам, жителям села Весёлый Подол, при одном только взгляде на расположенный неподалёку Весело-Подольский сахарный комбинат становится горько. Будто бы не сахар производит комбинат, а хинин.

Действительно, горько нам жить в соседстве с комбинатом. Достопримечательность села — огромный пруд площадью свыше двухсот гектаров превращён в гигантскую свалку отходов сахарного производства. Гибнет рыба, да и людям несладко приходится от испарений сероводорода.

Но не печалит дирекцию комбината то обстоятельство, что невесело жить сейчас в Весёлом Подоле.

Г. ЩЕРБАК

Полтавская область.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-34-31. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05858. Изд. № 551. Подписано к печати 29/VI 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1785. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

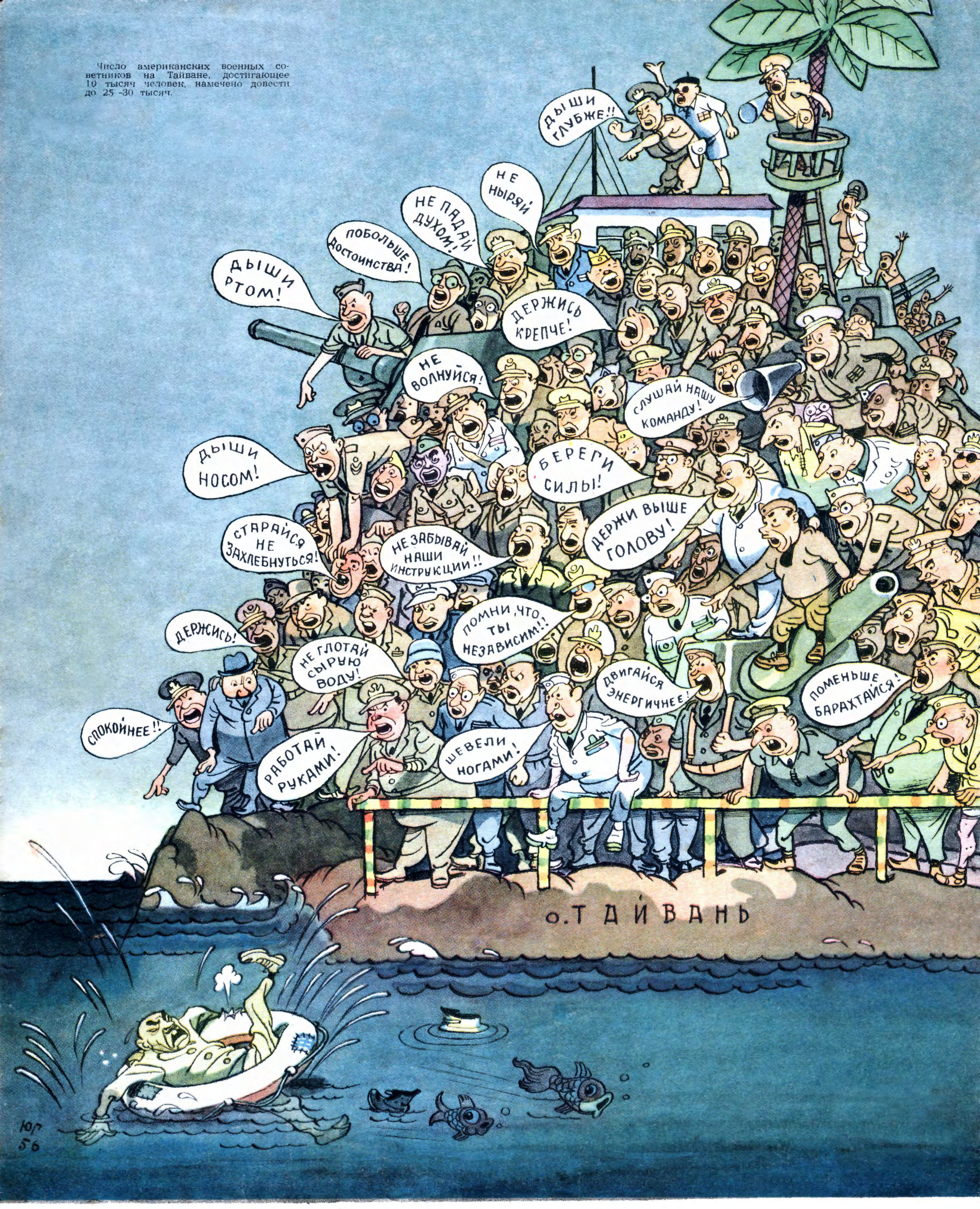

Рисунок Ю. ГАНФА. Советы американских советников.